

**АКСИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ И ТРАУРНЫЙ ЭТИКЕТ:
АСПЕКТ ОЦЕНКИ В ТЕКСТЕ НЕКРОЛОГА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Е.В. Милетова

Ключевые слова: аксиология, религия, траурный этикет, некролог, оценка, английский язык.

Keywords: axiology, religion, mourning etiquette, obituary, evaluation, English.

DOI 10.14258/filichel(2018)4-09

Лингвистика последних десятилетий насчитывает множество работ, посвященных анализу различных видов профессиональной коммуникации, типов дискурса, определению роли и места человека в реализации той или иной формы общения, а также изучению языковой репрезентации процессов, бытующих в ментальном пространстве индивида.

На сегодняшний день сфера религии, специфика религиозной коммуникации выступает одной из наиболее злободневных тем обсуждения в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых [см. в частности: Бобырева, 2007; Мечковская, 1998; Stiver, 1996; Taves, 2009 и др.]. Повышенный интерес специалистов к указанной области знания вполне оправдан, поскольку именно религия оказывает колоссальное влияние на все сферы деятельности человека, включая культуру, образование, политику, экономику и др.

Несмотря на огромное количество работ, посвященных описанию религиозной коммуникации, имеется целый ряд нерешенных вопросов, требующих более детального рассмотрения и обсуждения. К числу дискуссионных аспектов относится и проблема описания ценностной составляющей сферы религии.

Отметим, что существует целый ряд теорий ценностей, по-своему осмысливающих и характеризующих их природу и суть. Признавая правомерность каждой научно-обоснованной теории и не стремясь к критическому анализу имеющихся точек зрения, в рамках нашего исследования мы используем определение, зафиксированное в энциклопедических изданиях, согласно которому, аксиология (греч. αξία – ценность, λόγος – учение) – философское учение (наука) о ценностях и их природе, об их происхождении и сущности, об их месте в реальности [Краткий философский словарь, 2004].

Примечательно то, что и в описании религиозных ценностей у исследователей не наблюдается единодушия, поскольку универсальной классификации ценностей сферы религии нет. Однако, несмотря на это, многими учеными признается наличие четырех групп религиозных ценностей: суперморальные; моральные; утилитарные; субутилитарные. К первым относятся важнейшие религиозные догматы, регламентирующие поведение человека по отношению к Богу, ко вторым – поведение человека по отношению к другим людям, к третьим – поведение человека по отношению к самому себе, к четвертым – необходимые условия биологического существования [Бобырева, 2007; Гуревич, 1995 и др.].

Важно отметить, что в системе ценностных ориентиров религиозного мировоззрения особое место отводится оппозиции «жизнь – смерть», разделяющей жизнь человека на до и после, земное и небесное. Подчеркнем, что противопоставление по типу «жизнь – смерть» признается ведущими мировыми религиями (христианство, ислам, буддизм) и, по сути, является средством актуализации религиозных ценностей: то, что присуще греховному миру человека, не имеет ценности, ведет к неминуемой гибели, в свою очередь, то, что свойственно божественному миру, обладает вечной ценностью, обеспечивает спасение. Все, что имеет отношение к Богу, представляет собой «высшую» ценность и, наоборот, мир людей полон греха и иных несовершенств и способствует гибели.

В целом, рассматривая аксиологический арсенал религии, подчеркнем тот факт, что все ценности религиозной коммуникации сводятся к ценностям *веры*, подразумевающей признание Бога, понятие греха, добродетели, спасения души, соблюдение обрядов и др. Очевидно, что религиозные ценности – это нормы, идеалы и цели деятельности, позволяющие верующему человеку планировать и выстраивать свое поведение в мире, оценивать все происходящее вокруг, включая самого себя.

В силу того, что религиозные ценности носят не столько рациональный, сколько эмоциональный характер, поднимая злободневные вопросы бытия человека, считаем необходимым остановиться подробнее на проблеме корреляции понятий «ценность» и «оценка».

Размышляя о природе оценки, отметим, что в самом широком смысле оценка есть «некоторое сообщение об объекте оценки, отражающее отношение к нему говорящего и рассчитанное на оказание определенного воздействия» [Заграевская, 2006, с. 133]. Очевидно, что оценка может быть положительной и отрицательной [Цолер, 1996,

с. 64], имеет субъективный и объективный компонент [Вольф, 1985, с. 22] и, безусловно, формируется и определяется контекстом, конкретной ситуацией [Auer, 1995, p. 2].

Помимо этого, показательна идея Т.Б. Заграевской о существовании полевой структуры оценки [Заграевская, 2006, с. 33], в пределах которой присутствуют ядро, актуализируемое, как правило, при помощи имен прилагательных, поскольку в паре с определяемыми существительными именно на прилагательные ложится основная смысловая нагрузка и периферия, репрезентируемая существительными.

Когда же речь идет о соотношении терминов «ценность» и «оценка», мы склонны полагать, что формирование любой ценности возможно *только* при свершившемся акте оценки, так как для полного понимания и осознания того или иного объекта / явления в качестве ценного, дорогого и по-настоящему значимого, его (объект / явление) необходимо подвергнуть анализу и оценке. Лишь с опорой на имеющуюся оценку, безусловно, положительную с точки зрения оценивающего, происходит становление ценности как таковой.

Таким образом, как справедливо отмечает Т.Л. Нечепуренко, «именно оценка связывает человека не только с окружающей природной, социальной или иной реальностью, но и непосредственно с другими людьми, вводя его в мир ценностей» [Нечепуренко, 2006, с. 175], то есть оценка выступает неотъемлемым атрибутом, своего рода фундаментом зарождения ценностей.

В фокусе внимания настоящей статьи находится текст некролога, его структурные особенности с прицелом на компонент оценки; материалом исследования послужили публикации британской газеты *The Guardian*, зафиксированные в рубрике *Obituaries*.

На первый взгляд может показаться, что некролог как жанр журналистики не имеет никакого отношения к религии, однако, при более скрупулезном анализе фактического языкового материала, мы получаем совершенно иное видение проблемы: некролог строго подчинен нормам религии и морали, его языковая репрезентация регулируется траурным этикетом, представляющим собой свод норм, правил и предписаний применительно к событию кончины человека.

В самом широком смысле некролог является сообщением о смерти человека и включает в себя подведение итогов его жизни и деятельности.

Следует отметить, что для некролога характерно наличие четкой структуры, состоящей из ряда связанных и взаимодополняющих элементов. Рассмотрим подробнее каждое из звеньев структуры. Для

детального анализа специфики траурных сообщений возьмем фрагменты двух некрологов.

1) **Nicola Gordon Bowe**

Art historian who specialised in the Irish Celtic revival

The pioneering art historian Nicola Gordon Bowe, who has died of meningitis aged 69, wrote magisterial studies of two of the greatest figures of the Irish Celtic revival, Harry Clarke and Wilhelmina Geddes, both artists in stained glass.

Her work also had a wider significance outside Ireland – Art and the National Dream (1993), a volume of essays she edited, offered a nuanced understanding of global design, art and architecture, in particular recuperating erased histories and objects from the fringes of Europe. In eastern Europe, the study of romantic nationalism had been discouraged during the cold war, while in the west, modernist universalism had been equally dismissive of regional expression in art and architecture <...>

She was born in Stafford, the youngest daughter of Richard Gordon who, at the London county council, was committed to the introduction of comprehensive education. Her mother, Elizabeth Smedley, came from a family of suffragette women and was a niece of the artist Maxwell Armfield, whose work Nikki was later to research. Her secondary education at St Albans high school for girls was followed by A-levels at the English School in Rome, and undergraduate studies in French and Italian at Trinity College, Dublin <...>

Nikki gave the material culture of the Celtic revival and the Arts and Crafts movement in Ireland the same level of forensic attention that Crookshank had bestowed on the history of Irish painting. Her passionate advocacy for overlooked areas of Irish art and design had huge significance in the recuperation of lost objects and archives, many now in public collections from Dublin to Los Angeles <...>

*She began to teach at NCAD in 1979 and in 2000 founded an influential MA there in the history of design and the applied arts. In effect she became an ambassador for late 19th and early 20th century Irish and romantic nationalist art, advising on seminal shows such as John Christian's *The Last Romantics* at the Barbican Art Gallery in 1989, lecturing all over the world, from Toronto to Ahmedabad to Krakow, and working as visiting scholar at the National Gallery of Art, Washington, and at the Getty Research Centre, Los Angeles.*

*At the time of her death she was writing *Visualising the Celtic Revival*, drawing together years of research, as well as embarking on a study of another great 20th century Irish woman artist, Evie Hone.*

Nikki was a woman of great personal charm, her dress beautiful, dashing but thrifty, her speech formal but unaffected, and remarkably kind, generous and energetic.

She is survived by her husband, the architect and garden historian Patrick Bowe, whom she married in 1974, and their daughter, Venetia (The Guardian).

2) Christian Duffin

My friend Christian Duffin, who has died of cancer aged 52, was a respected journalist and accomplished musician. Christian was an exceptional man who had the rare quality of being able to live in the moment. A lifelong Stoke City football fan, he was also a born optimist. It was his curiosity and interest in people and the world around him that drew him to journalism.

Born and raised in Stafford, Christian was the eldest of three children of Dennis, a civil engineer, and Maureen, a legal secretary. He studied accountancy and opted to become a primary school teacher in south-east London before his appetite for adventure led to a teaching post in an international school in Moscow. After that, he went to Germany to work behind a bar, then to Paris, where he taught English and played in a country rock band, Paris Texas. Two years later, he returned to the UK and trained as a journalist.

In this role he was widely regarded as conscientious, thorough, fair, tenacious, probing, and keen to bring new voices to the fore. Colleagues testify to someone who could offer a fresh take on a story <...>

He spent three years on the Harrow Observer, and six on Nursing Standard magazine, before freelancing for a range of national newspapers and magazines.

After being diagnosed with cancer in 2010, he co-founded a band, the Billionaires, which played in pubs and at events. He played the piano and guitar and shared lead vocals. In his spare time he wrote songs, which he performed for a songwriters' collective. Each month, contributors voted for the best of the bunch: Christian won more times than anyone else.

He loved anything quirky and was a longstanding Laurel and Hardy fan. He was very popular, blessed with an offbeat sense of humour; just two days before his death, greatly weakened, he was still able to tell a joke in such a way that made you laugh out loud.

Christian looked outward, playing football, reporting, and rehearsing with the band whenever his health allowed. He was a true friend: fun, compassionate, kind, and he took people as he found them.

He is survived by his mother, his brother, Patrick, and sister, Alyson, and two nieces (The Guardian).

Попытаемся на конкретных текстах определить наиболее значимые элементы траурных сообщений, охарактеризовать и описать их эмоционально-оценочную составляющую, а также возможный посыл и интенцию авторов.

Как видно из представленных примеров, адресантами некрологов могут быть как профессионалы (журналисты), так и непрофессионалы (родственники, друзья, коллеги и т.д.). Так, автором первого текста является журналист, а второго, согласно контексту, друг усопшего.

В качестве первого, весьма емкого по содержанию компонента структуры некролога выступает заголовочный комплекс, распадающийся на собственно заголовок и подзаголовок. При этом в заголовке фиксируется лишь имя умершего (*Nicola Gordon Bowe, Christian Duffin*), а подзаголовок расширяет и дополняет информацию о нем / о ней, предоставляя читателю краткое резюме жизнедеятельности усопшего: *Art historian who specialised in the Irish Celtic revival*. Как правило, подзаголовок оформляется в виде одного или двух предложений и отделяется от основного текста. Эмпирический анализ материала нашей выборки показал, что не все некрологи, фрагмент (2) в том числе, маркированы наличием подзаголовка, поскольку авторы текстов зачастую сообщают дополнительные детали о личности умершего во вступительной части. Безусловно, это не влияет на целостное восприятие информации, не является недостатком траурного сообщения, а лишь свидетельствует о том, что данный элемент структуры носит факультативный характер.

Несмотря на краткость, заголовочный комплекс выполняет вкуче информирующую и апеллятивную функции и нацелен на то, чтобы, с одной стороны, сообщить о факте смерти, а с другой – воздействовать на эмоциональное состояние читателя.

Введение – второе звено иерархической структуры некролога, в задачи которого входит подведение итогов прожитой жизни:

1) *The pioneering art historian Nicola Gordon Bowe, who has died of meningitis aged 69, wrote magisterial studies of two of the greatest figures of the Irish Celtic revival, Harry Clarke and Wilhelmina Geddes, both artists in stained glass.*

Her work also had a wider significance outside Ireland – Art and the National Dream (1993), a volume of essays she edited, offered a nuanced understanding of global design, art and architecture, in particular recuperating erased histories and objects from the fringes of Europe.

2) *My friend Christian Duffin, who has died of cancer aged 52, was a respected journalist and accomplished musician. Christian was an exceptional man who had the rare quality of being able to live in the*

moment. A lifelong Stoke City football fan, he was also a born optimist. It was his curiosity and interest in people and the world around him that drew him to journalism.

Именно во введении находим информацию о возрасте покойного, причине смерти, роде деятельности и основных достижениях, значимых в той или иной области. Стремясь привлечь внимание читателей, авторы текстов максимально лаконично и в то же время содержательно повествуют об усопшем, вызывая к чувствам и воздействуя на эмоции адресантов, подогревая их живой интерес, сводящийся к прочтению всего траурного сообщения. Показательна корреляция и тонкая связь между введением и заключительной частью некролога, поскольку оба этих элемента нацелены на резюмирование земного пути отдельно взятой личности и создание положительного образа в памяти современников.

Основная часть некролога содержит следующие данные:

– место рождения (название населенного пункта) / родители усопшего (их род занятий) / детство:

1) *She was born in Stafford, the youngest daughter of Richard Gordon who, at the London county council, was committed to the introduction of comprehensive education. Her mother, Elizabeth Smedley, came from a family of suffragette women and was a niece of the artist Maxwell Armfield <...>*

2) *Born and raised in Stafford, Christian was the eldest of three children of Dennis, a civil engineer, and Maureen, a legal secretary.*

Представленные фрагменты явно демонстрируют отличия в стиле речи, что, возможно, объясняется ролью и степенью близости адресанта к усопшему. Так, пример 1 обладает характеристиками официально-делового стиля, поскольку в нем присутствуют конструкции, образованные по правилам грамматики английского языка, а также полная информация о родителях (имя + фамилия), в то время как пример 2 менее официален, в нем кратко излагаются лишь имена родителей и их профессии.

– образование / трудовая деятельность / успехи и достижения на профессиональном поприще:

1) *Her secondary education at St. Albans high school for girls was followed by A-levels at the English School in Rome, and undergraduate studies in French and Italian at Trinity College, Dublin <...>*

She began to teach at NCAD in 1979 and in 2000 founded an influential MA there in the history of design and the applied arts. In effect she became an ambassador for late 19th and early 20th century Irish and romantic nationalist art, advising on seminal shows such as John

Christian's The Last Romantics at the Barbican Art Gallery in 1989, lecturing all over the world, from Toronto to Ahmedabad to Krakow, and working as visiting scholar at the National Gallery of Art, Washington, and at the Getty Research Centre, Los Angeles.

2) He studied accountancy and opted to become a primary school teacher in south-east London before his appetite for adventure led to a teaching post in an international school in Moscow. After that, he went to Germany to work behind a bar, then to Paris, where he taught English and played in a country rock band, Paris Texas. Two years later, he returned to the UK and trained as a journalist.

Обозначенные фрагменты носят описательный характер, не подразумевают критических размышлений и заключений, а лишь предоставляют возможность читателю лучше ознакомиться с личностью усопшего. Зачастую излагаемые в этой части некролога факты располагаются в хронологическом порядке с указанием четких дат.

– личные качества / увлечения и интересы:

1) Her passionate advocacy for overlooked areas of Irish art and design had huge significance in the recuperation of lost objects and archives, many now in public collections from Dublin to Los Angeles <...>

2) He played the piano and guitar and shared lead vocals. In his spare time he wrote songs, which he performed for a songwriters' collective. Each month, contributors voted for the best of the bunch: Christian won more times than anyone else.

– признание / награды и завершение деятельности (наиболее значимые события перед уходом в мир иной):

1) At the time of her death she was writing Visualising the Celtic Revival, drawing together years of research, as well as embarking on a study of another great 20th century Irish woman artist, Evie Hone.

Nikki was a woman of great personal charm, her dress beautiful, dashing but thrifty, her speech formal but unaffected, and remarkably kind, generous and energetic.

2) He loved anything quirky and was a longstanding Laurel and Hardy fan. He was very popular, blessed with an offbeat sense of humour; just two days before his death, greatly weakened, he was still able to tell a joke in such a way that made you laugh out loud.

Christian looked outward, playing football, reporting, and rehearsing with the band whenever his health allowed. He was a true friend: fun, compassionate, kind, and he took people as he found them.

Очевидно, что два последних блока, а именно личные качества и признание, содержат в себе оценочный компонент, поскольку передают отношение автора к личности и деятельности усопших. Показательно то, что, как правило, здесь авторы не фокусируются на какой-либо конкретной особенности или способности, а указывают на целый перечень качеств, умений, навыков, талантов, присущих покойному. Вновь наблюдается интенция автора текста подчеркнуть уникальность и неповторимость каждого человека, выполняющего свою миссию на Земле и стремящегося внести свою скромную лепту и оставить след в истории человечества. Безусловно, особую экспрессию контексту придают такие эмоционально-оценочные прилагательные как: *passionate, huge, blessed, compassionate, beautiful, dashing, energetic, kind* и другие, оказывающие колоссальное воздействие на читателя и выражающие невосполнимую потерю и боль.

– личная жизнь (семейное положение, наличие детей):

1) *She is survived by her husband, the architect and garden historian Patrick Bowe, whom she married in 1974, and their daughter, Venetia.*

2) *He is survived by his mother, his brother, Patrick, and sister, Alyson, and two nieces.*

Показательно то, что факты личной жизни, такие как семейное положение, наличие детей, количество браков и разводов, располагаются, как правило, в конце некролога. Данная информация не играет судьбоносного значения в контексте и излагается без излишних подробностей, не подразумевая каких-либо критических и оценочных суждений в адрес умершего. Здесь же автор текста выражает слова соболезнования и скорби, адресованные родным и близким умершего, применительно к анализируемым фрагментам – сыну (пример 1), членам семьи в лице матери, брата, сестры, двух племянниц (пример 2). Отметим, что уникальной особенностью некролога является отсутствие заключения как такового, хотя завершающие эпизоды некрологов с точки зрения логики и смысла можно уверенно назвать оформленными.

Как показал анализ текстов, жанр некролога при всей его традиционности и кажущейся простоте требует от автора тщательного отбора жизненного материала ушедшей из жизни личности, а также очень бережного и трепетного отношения к каждому знаку, к каждому слову, поскольку именно слово способно «репрезентировать и заменять в сознании человека определенный осмысленный им фрагмент действительности, указывая на него, отсылать к нему, возбуждать в мозгу все связанные с ним знания <...>» [Алимурадов, Чурсин, 2009, с. 59].

Говоря об эмоциональной стороне некрологов, важно помнить, что ключевым моментом здесь является чувство скорби и душевной боли, проявляющиеся в языке посредством употребления широкого спектра лексических единиц, маркированных положительной семантикой, например: *great personal charm, blessed, remarkably kind, generous, energetic, compassionate* и др. Очевидно, что имена прилагательные задают эмоциональный тон повествования и реализуют его оценочный компонент.

Подводя некоторые итоги, отметим вновь, что некролог, написанный без соблюдения норм и правил, расценивается как неуважение к покойному. Специфика некролога, его эмоционально-оценочное наполнение так или иначе подчинены определенному траурному этикету, в соответствии с которым существует жесткий запрет относительно негативных суждений об усопшем [Евдокимова, 2010]. Именно этим, на наш взгляд, и объясняется значительное превалирование в масштабах выборки текстовых фрагментов, маркированных наличием положительной оценки жизнедеятельности обсуждаемой личности (89% от общего количества примеров в выборке). В свою очередь, те редкие случаи, когда мы фиксируем присутствие неких критических замечаний и отрицательной оценки со стороны автора текста (11% от общего количества примеров в выборке) не говорят об однозначном неприятии личности и деяний умершего, а лишь характеризуют конкретную особенность, либо черту, факт, случай и т.д., при этом в целом сохраняется тенденция создания общего положительного впечатления о человеке. Очевидно, что во введении и заключительной части, как правило, находит свою практическую реализацию компонент оценки, вербализуемый преимущественно именами прилагательными, что вполне логично, поскольку аспект оценки потенциально присутствует в семантике любого прилагательного [Арутюнова, 1985]. Подчеркнем вновь мысль о том, что введение коррелирует с заключительной частью некролога на прагматическом уровне: обозначенные элементы структуры траурных сообщений информируют о факте смерти, резюмируют события всей жизни покойного, привлекая внимание аудитории к персоне и его достижениям, что, в свою очередь, обуславливает частотность употребления эмоционально-оценочной лексики в пределах конкретных фрагментов текста.

Безусловно, жанр некролога в современном английском языке не исчерпывает себя указанными особенностями, в рамках статьи нами были рассмотрены лишь наиболее существенные его параметры. Данная статья не ставит также точку и в вопросе анализа и описания

всеобъемлющего и многогранного аксиологического поля религии, распадающегося на множество взаимосвязанных и взаимодополняющих элементов, каждый из которых имеет свою уникальную природу и предназначение. Более детальное изучение специфики коммуникации в сфере религии должно, на наш взгляд, стать объектом дальнейших научных исследований.

Литература

- Алимурадов О.А., Чурсин О.В. Картины языка музыки. Функционально-семантическая характеристика современной английской музыкальной лексики: Когнитивно-фреймовый подход. М., 2009.
- Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. М., 1985. № 3.
- Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики. Волгоград, 2007.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Всемирное писание. Сравнительная антология священных текстов: под общ. ред. П.С. Гуревича. М., 1995.
- Евдокимова О.Н. Языковые и стилистические особенности траурных речевых жанров (на материале англоязычной газетной периодики). Курск, 2010.
- Заграевская Т.Б. Категория «оценка», ее статус и вербализация в современном английском языке. Пятигорск, 2006.
- Ивин А.А. Аксиология. М., 2006.
- Карасик В.И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // Германистика в России. Традиции и перспективы. Новосибирск, 2004.
- Краткий философский словарь: сост.: А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев и др.; под ред. А.П. Алексеева. М., 2004.
- Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.
- Нечепуренко Т.Л. Социокультурный компонент языковой личности как предпосылка развития системы оценки // Семантический анализ единиц языка и речи: процессы концептуализации и структура значения. М., 2006.
- Слышкин Г.Г. Аксиология языковой личности и сфера активной лингвистики // Социальная власть языка. Воронеж, 2001.
- Цолер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Филологические науки. М., 1996. № 6.
- Auer P. Context and Contextualization // Handbook of Pragmatics. Amsterdam / Philadelphia, 1995.
- Stiver D.R. The Philosophy of Religious Language: Sign, Symbol and Story. Oxford, 1996.
- Taves A. Religious experience reconsidered: a Building-Block Approach to the Study of Religion and Other Special Things. Princeton, N.J., 2009.

References

- Alimuradov O.A., Chursin O.V. *Kartiny yazyka muzyki. Funktsional'no-semanticheskaya kharakteristika sovremennoy angliyskoy muzykal'noy leksiki: Kognitivno-freymovyy podkhod* [Music Language Pictures. Functional and Semantic Characteristic of Modern English Musical Lexicon: Cognitive and Frame Approach]. M., 2009.

Arutyunova N.D. *Ob ob"yekte obshchey otsenki* [About the Object of the General Evaluation]. *Voprosy yazykoznananiya* [Topics in the Study of Language]. M., 1985. No. 3.

Bobyreva E.V. *Religioznyy diskurs: tsennosti, zhanry, yazykovyye kharakteristiki* [Religious Discourse: Values, Genres, Language Characteristics]. Volgograd, 2007.

Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional Semantics of Evaluation]. M., 1985.

Vsemirmoye pisaniye. Sravnitel'naya antologiya svyashchennykh tekstov [World Scripture. Comparative Anthology of Sacred Texts]. M., 1995.

Evdokimova O.N. *Yazykovyye i stilisticheskiye osobennosti traurnykh rechevykh zhanrov (na materiale angloyazychnoy gazetnoy periodiki)* [Language and Stylistic Features of Mourning Speech Genres (on Material of the English-Language Newspaper Periodical Press)]. Philol. Cand. Diss. Kursk, 2010

Zagrayevskaya T.B. *Kategoriya «otsenka», eye status i verbalizatsiya v sovremennom angliyskom yazyke* [The Category Evaluation, its Status and Verbalization in Modern English]. Pyatigorsk, 2006.

Ivin A.A. *Aksiologiya* [Axiology]. M., 2006.

Karasik V.I. *Aksiologicheskaya lingvistika: kontsepty i diskurs* [Axiological Linguistics: Concepts and Discourse]. *Germanistika v Rossii. Traditsii i perspektivy* [Germanic Studies in Russia. Traditions and Prospects]. Novosibirsk, 2004.

Kratkiy filosofskiy slovar' [Short Philosophical Dictionary]. A.P. Alekseyev, G.G. Vasil'yev i dr., M., 2004.

Mechkovskaya N.B. *Yazyk i religiya* [Language and Religion]. M., 1998.

Nechepurenko T.L. *Sotsiokul'turnyy komponent yazykovoy lichnosti kak predposylka razvitiya sistemy otsenki* [Sociocultural Component of the Language Personality as a Prerequisite for the Development of an Evaluation System]. *Semanticheskyy analiz edinits yazyka i rechi: protsessy kontseptualizatsii i struktura znacheniya* [Semantic Analysis of Units of Language and Speech: the Processes of Conceptualization and the Structure of Meaning]. M., 2006.

Slyshkin G.G. *Aksiologiya yazykovoy lichnosti i sfera aksivnoy lingvistiki* [Axiology of Linguistic Personality and the Sphere of Active Linguistics]. *Sotsial'naya vlast' yazyka* [The Social Power of Language]. Voronezh, 2001.

Tsoler V.N. *Ekspressivnaya leksika: semantika i pragmatika* [Expressive Vocabulary: Semantics and Pragmatics]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences]. M., 1996. No. 6.

Auer P. Context and Contextualization. *Handbook of Pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia, 1995.

Stiver D.R. *The Philosophy of Religious Language: Sign, Symbol and Story*. Oxford, 1996.

Taves A. *Religious Experience Reconsidered: a Building-Block Approach to the Study of Religion and Other Special Things*. Princeton, N.J., 2009.